УДК 101.1

АВТОР И ЧЕЛОВЕК: ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ ГУМАНИТАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Павлов Александр Валентинович,
Тюменский государственный университет,
профессор кафедры философии,
доктор философских наук, профессор,
г. Тюмень, Россия.
E-mail: av-pavlov@mail.ru

Аннотация
Статья посвящена вопросу о предметности гуманитарного познания. Научное исследование в гуманитарной области представляется рациональной трактовкой культуры как пространства ниш и поступков в их отношении друг к другу.

Ключевые понятия:
предмет исследований,
гуманитаристика,
Автор,
фигура культуры,
место,
социокультурная ниша,
человеческий индивид,
поступок.

1.

Проблема, препятствующая выделению гуманитарных наук в отдельную научную отрасль, равную естественным и социальным наукам, заключается в сложности определения их предметной области. Естествознание исследует природу, социальное познание – общество, гуманитаристика – человека, но если в вопросе, что такое общество и природа, уже имеется какая-то ясность, хотя и тут не все просто, то в вопросе о том, что такое «человек» как предмет познания, общепринятого представления нет.

Умозрительно некоторый образ человека, конечно, прорисовывается. Однако предмет познания должен быть *доказанным* и *устойчивым*, иначе в самом факте его существования легко усомниться. Научное же доказательство, в конечном счете, всегда является *редукцией* к опыту, пусть даже эта редукция и осуществляется через ряд промежуточных теорий. Доказательство должно быть логически и методологически корректным, и тогда общепринятый характер логик и методологий обусловливает общепринятый же статус знания об опыте и позволяет вводить его в состав совместной практики. И в этом случае получение ожидаемого результата становится достаточным доказательством правомерности представлений о предмете. Сам же предмет приобретает устойчивость, то есть, способность быть одинаково воспринятым любым специалистом в соответствующей области наук.

Легко заметить, что предмет оказывается зависимым от логики и методологии, которые напрямую восходят к рациональности мышления и соотносятся с цивилизационной упорядоченностью культуры. В сущности, он является культурой, обработанной рационально в соответствии с правилами и нормами цивилизации. Расхождения в трактовках предмета обусловлены по преимуществу разными представлениями о цивилизационном порядке и, как следствие, разными логиками.

В гуманитарных науках предметная область двойственна. С одной стороны, она – совокупность знаков, с другой же, это – экзистенциальный опыт исследователя как субъекта, позволяющий ему интерпретировать знаки в контексте цивилизации. В отличие от естественных наук в гуманитаристике знаки сами по себе не являются источниками информации, они выступают лишь поводами для исследования, а информация о значении приписывается

им интерпретацией. Следовательно, источник информации оказывается в субъекте познания, а не в объекте, теория говорит не о том, каков объект, а о том, что по его поводу думает субъект, а опыт становится экзистенциальным. Такой опыт включает в себя культуру познания, мораль, мировоззрение, представления о жизни в конкретном регионе, стране, а сегодня и в общечеловеческой культуре планеты. Гуманитарное познание говорит не об объективной реальности, оно позволяет формулировать субъективное отношение к ней и выражает субъективность.

2.

Предмет – это знаки и интерпретации, придающие знакам значения. Знак объективен в естественнонаучном смысле, он дан через ощущения. Но предмет – сложно организованная совокупность знаков, воспринимаемая уже умозрительно. Такие предметы, как власть или общество, уже зависят от рациональной организации знаков сознанием ученого. А их понимание и тем более включает в себя весь опыт общественной жизни субъекта. Но тогда предмет гуманитарного исследования становится всей общественной жизнью человечества, свернутой в точку объективного знака, а точнее, в область ограниченной группы таких знаков, как их рациональное содержание. А исследователь становится тою же общественною жизнью, но свернутой в точку его субъективно-рационального опыта.

И оказывается, что гуманитарное исследование – это субъективная интерпретация пустых знаков с целью практического наполнения их содержанием на базе знаний и опыта интерпретатора. Например, на вопрос, что такое «власть», ученые из разных цивилизаций – России, США, Китая, Ирана – дадут разные ответы, поскольку у них разный опыт как бытовой, так и умозрительный. Сама же по себе «власть» – пустое слово, а ее сложная структура – столь же пустые слова, вывески, мундиры, удостоверения и лишенные смысла поступки. Она не более чем образ, провоцирующий интерпретации.

Гуманитарный предмет в силу многообразия индивидов и субъективности человеческого бытия в аспекте опыта остается неуловимым, а причина неуловимости заключается в совпадении его субъективной природы с точно такой же субъективностью самого исследователя. Сознание не может говорить *о себе*, оно способно только деятельно себя выражать. Чтобы говорить о предмете, ему приходится от него дистанцироваться.

Субъективность «объекта» либо не дает возможности провести объективное познание либо вынуждает менять смысл объективности, а это делает научную принадлежность гуманитаристики сомнительной. Из-за этого человек традиционно определялся путем редукции к духу, к природе или к обществу как духовное, природное или социальное существо. Ю.В. Ларин сделал попытку обосновать самостоятельное бытие культуры. Это дало возможность редуцировать человека к культуре, хотя сам Ю.В. Ларин предпочитает определять его все-таки многомерно как «биосоциокультурное существо» [3, с. 121]. Что касается автора этой статьи, то мне ближе представление о человеке через его редукцию к самому себе в биологическом, социальном и культурном аспектах, то есть как индивидуальности, идентифицирующей себя как «Я».

Попытки найти проявления индивидуальной и субъективной, различной у всех людей человеческой природы в некоторых общих для всех признаках, – а именно это необходимо сделать для конституирования гуманитаристики в качестве научной отрасли, – естественно приводили к представлению о человеке как существе сугубо культурном и переводили вопрос о признаках человека в вопрос о признаках культуры. А поиск этих признаков вел либо к абсолютно неочевидной интуитивно данной *духовности*, которую не сделали доступной для научного познания даже рациональные определения интуиции, либо к видимому *поведению*, неощутимо отличающемуся от поведения животных, либо же с Л. Витгенштейна, М. Хайдеггера и пр. – к *языку* и *тексту*, породившим направление, названное М. Фуко в полемике с Ж. Деррида «текстуальным изоляционизмом», где после расширенной трактовки текста как знаково-символического комплекса, предполагаемо обладающего смыслом, специфика человеческой субъективности окончательно растворялась в общественной культуре.

И вместе с этим, самым странным образом, неопределенность человека вызывала сомнение и в научном статусе естественных и социальных наук. Социальные науки «подвисали» из-за того, что как ни анализируй общество, а оно – продукт *человеческих* отношений, общения, коммуникаций и т.д., за пределами людей его статус как самостоятельного бытия определялся лишь мистически или метафизически. Естественные же науки всякий раз, как уровень их

теоретических абстракций выходит за пределы, например, классической физики, без определенности человека тоже становятся сомнительными из-за неясного качества релятивистского «наблюдателя», приведшего и к антропному принципу, и к концепции дополнительности, и к пониманию неизбежного участия субъективности в естественнонаучных исследованиях и т.д. Рефлексия гуманитарного аспекта в естественных науках заставила выдающегося физика и очень незаурядного философа Н. Бора сделать вывод: «Идея дополнительности способна охарактеризовать существующую ситуацию, которая имеет далеко идущую аналогию с общими трудностями образования человеческих понятий, возникающими из разделения субъекта и объекта» [2, с. 53].

Но даже культура как сфера со своим особым бытием с очевидностью онтологически закреплена только в человеческих сознаниях и некотором их смысловом созвучии. Продукты культуры как данности в ощущениях ничем не отличаются от любых знаков, в том числе и от знаков природы. А качество культурности, обнаруживаемое за ними, оказывается индивидуально-полагаемым смыслом, взаимно согласованным, и только в этом межличностном созвучии, в согласованности смыслонесущих и смыслополагающих индивидов обнаруживается социальность.

Конечно, дорога рационального познания бесконечна в обоих направлениях, и в сторону объективности, и в сторону субъективности, но из-за этого гуманитарная наука становится двойственной: либо ей удается зацепиться за какую-то опытным путем фиксируемую предметность, где индивидуальная субъективность очевидно присутствует, либо ей так и придется остаться философией индивидуальности, нацеленной на предметность с неочевидным присутствием субъекта и интенционально полагающей в нее человеческий смысл.

3.

Ролан Барт в известной статье об Авторе [1] подошел к нему с позиции культурологической нарративности и получил вывод о том, что Автор – социокультурное явление, относящееся к модерну. Бартовский Автор – это такая фигура культуры, которая в действительности создает весь комплекс смыслов, обнаруживаемых в тексте, но он не человек. И даже «скриптор», тот, кто просто записывает текст, тоже не человек, он рождается вместе с текстом, а следовательно, так же создается фигурой Автора уже потому, что умеет писать. Сам же текст оказывается «соткан из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников», и становится «областью неопределенности», где теряются все следы субъективности.

Идея фигуры, вокруг которой концентрируется и социальность, и культура зародилась уже в 1912 г., когда М. Вертгеймер выдвинул первую концепцию гештальтпсихологии. Она напрямую связана с гештальтом – целостным образом, обусловливающим смысл каждой своей части. Так появляются «фигуры культуры», действующие наподобие средневековых баннеров, к которым на поле битвы стягиваются войска. Такова и фигура Автора.

«Фигура Автора, – пишет Р. Барт, – принадлежит новому времени», открывшему для себя «достоинство индивида». И тогда «объяснение произведения всякий раз ищут в создавшем его человеке». Создать произведение означает сконструировать его знаковую форму, например, тот же текст, и вложить в эту форму смысл, или наоборот, это значит, предчувствовать смысл и оформить предчувствие текстом. Знаковая форма восходит к скриптору, а смысл – к Автору. Автор – тот, кто создает смысл, и именно он оказывается сотканной из тысяч цитат фигурой культуры.

Автор становится либо точкой равновесия между множеством смыслов, которыми культура стремится заполнить форму произведения, эдакой мнимой персоной, либо он – результат спонтанно сложившейся комплементарности между цитатами, выразившейся в творчестве нового смысла, либо же он – продукт целенаправленного конструирования смысла по правилам культуры, сформулированным в литературоведческой науке. Именно это устраивает критику, пишущую такие правила и наделяющую и Автора, и произведение окончательным значением, замыкающим текст. Границы смыслового пространства текста обусловлены правилами его критического толкования, именно в этом смысле «царство Автора было и царством Критика», потому что Критик, трактуя смысл, на самом деле его озвучивает и этим создает. И дальше Критику остается только связать озвученные им значения с именем скриптора.

Он может уверять, например, что «Гамлет» Шекспира выражает смятение русского интеллигента, который решимости и действию предпочитает смысложизненные размышления и речи, а уж если и начинает действовать, то всегда невпопад, и своими действиями причиняет всем только вред, в том числе, и самому себе. И с момента этого заявления, Шекспир стараниями Критика оказывается русским писателем золотого или серебряного века. Перевод «Гамлета» на рус-

ский язык наполняется коннотациями именно русской культуры, а Шекспир как его Автор оказывается фигурой, рожденной ею, по сути, русским драматургом.

Р. Барт утверждает, что устранить Автора, заменив его письмом, являющимся «областью неопределенности», что «непрерывно рождает смысл», – это значит восстановить в правах читателя. Однако права какого читателя при этом восстанавливаются? Читатель и Автор сопряжены, и если Автор бессубъектен, тогда и Читатель оказывается, во-первых, бессубъектным Критиком, замыкающим письмо присущими ему правилами интерпретации, а во-вторых, тем читателем, который читает произведение в соответствии с указаниями Критика, а следовательно, в той же степени бессубъектным. И тогда читатель – точно такая же социокультурная фигура, вполне созвучная с социальной личностью советского марксизма.

Культура – область смыслов, читатель – область социально заданных смыслов, он также соткан из множества культурных фрагментов, позволяющих ему читать и понимать. Он – сознание, усваивающее социальные смыслы через текст, его внутренний мир наполняется внешними смыслами и оформляется тем цивилизационным порядком, какой присущ общественной культуре, а следовательно, читатель – ее порождение. Даже личное понимание произведения становится продуктом интерпретации с точки зрения, например, других критиков или продуктом конфликта их интерпретаций. Личное прочтение текста здесь выступает способом совмещения ряда уже высказанных точек зрения, а читатель – место их синтеза. И человек в целом выступает только носителем культуры, повелевающей им, но способной использовать и любые другие носители, например, искусственный интеллект андроидов или сети.

И в этом случае получается, что культура сама себя воспроизводит, сама себя читает и сама себя интерпретирует. Прямо как на картине Ван-Гога «Едоки картофеля», где картошка ест картошку, запивая картошкой и сидя внутри картофельного клубня. Человек же при этом не более чем вещественный носитель.

4.

Однако как быть, если чье-нибудь «Я» не хочет такой для себя судьбы? Как быть со свободой выбора и предпочтений, присущей только живым практическим индивидам К. Маркса, но отсутствующей у бартовского Автора, в котором, как в любом продукте культуры, воплощены все ее смыслы? Получается, что Автор, будучи интегралом всех выборов, сам выбора лишен. В этот момент он и «умирает», теряя смысл и уступая место не читателю, а человеку.

Ж.-Ф. Лиотар находит в его смерти вызванный делегитимацией бунт против исторических метанарративов и называет этот бунт «состоянием постмодерна». Постмодерн – не очень подходящий термин, но если его придерживаться, то, я думаю, что постмодерн уже был и еще не наступил. Он состоялся на завершающем этапе предыдущей цивилизации, когда она была преисполнена самодовольства, и он начнется только с утверждением новой цивилизацией следующей за модерном. А современность же – мгновение, где традиционные смыслы подвергаются переоценке, делегитимируются и угасают, в отношении к традиции, зародившейся в прошлом, и инновации, связанной с будущим, оно является скорее межвременьем.

Можно из сказанного заключить, что бартовский Автор относится не только к Новому времени, но к периоду окончательного оформления любой культурно-исторической эпохи, когда в ней полностью утверждаются нормы, придающие ей облик цивилизации. Тот же Автор, о каком пишет Р. Барт, это всего лишь Автор книг, а до него были Авторы религий, королевств, церквей и орденов. В Новое время они трансформировались в Авторов предприятий, компаний, революций. *А бартовский Автор книг оказывается актуальным лишь тогда, когда описывать практическое действие, предписывать его исполнение и подчиняться его требованиям становится предпочтительней, чем писать от себя и действовать самому.* Он цивилизационен, но не культурен, он, хотя и возникает в культуре подобно цивилизационным нормам, отчужден от нее, и поэтому он – ее фигура, то есть, локальная форма, отличающаяся от социального института только именем. Есть Автор – Шекспир, но есть Автор Гермес Трисмегист, в отличие от Шекспира, не соотносящийся ни с какой человеческой личностью. А есть Автор – Аноним, честнее всего указывающий своим именем на собственную человеческую неопределенность, но одновременно привязанный к определенному культурному региону-эпохе, как, например, анонимный писатель периода Великой французской революции.

Таким образом, со смертью бартовского Автора исчезают фигуры и Критика, и Читателя, и восстанавливается в правах именно читатель как человек, для которого чтение не послушное следование предписанным интерпретациям, а самостоятельное путешествие в

поисках смысла и личное сотворчество. Но в этом случае, и автор уже не фигура культуры, а другой человек, первым прокладывающий дорогу в новые страны, он – Марко Поло в Китае или Ливингстон в Африке. Читатель же руководствуется его произведением не как правилом, а как составленной первопроходцем картой с множеством белых пятен и сам выбирает маршрут.

5.

Автор Р. Барта фактически заменяется бессубъектным письмом, из которого устраняется все человеческое. Однако тогда оказывается загадочным феномен смысла, невозможного без человеческого индивида. Смысл, задаваемый Автором, как вода в ведре, которую можно переливать и в кастрюли, и в кружки, но она всегда остается водой и ее не становится больше, чем изначально было в ведре. Смысл просто меняет форму, наполняя знаки.

Если исходить из абсолютной внесубъективности и безличностности текста и трактовать его как знаково-символический комплекс, возможно несущий в себе смысл, то раскрытие этого смысла требует *субъективной* интерпретации текстового комплекса средствами легитимированной в научном сообществе теории или философии, или же средствами мировоззрения, или же с помощью социокультурного наполнения сознания, которые все до одного так же *бессубъектны*, как и Автор. Если понимание и осмысление заключаются только в интерпретации, то это значит, что произведение того, кто не имеет субъективности, необходимой для создания смысла, «понимается» тем, у кого тоже нет органов, необходимых для понимания.

И этот парадокс наводит на мысль, что понимание не исчерпывается интерпретацией, а только начинается с нее как с формальной процедуры обработки Произведения по общепринятым правилам культуры и путем приписывания ему тех смысловых трендов, которые претендуют на общезначимость и устойчивость. Смыслы в культуре зарождаются, развиваются и со временем угасают, уступая место другим смыслам. Поэтому и Произведение, написанное Автором, тоже меняет смысл в зависимости от обнаруженного Критиком нового тренда, но при этом все смысловое поле становится конечным и ограничивается культурой. Понимание не исчерпывается интерпретацией, она только позволяет раскрыть предполагаемый в тексте смысловой тренд, но откуда же берутся сам смысл и его динамика, если в конечном и замкнутом пространстве неизбежно наступает равновесие, если в нем энтропия ведет к смысловой смерти так же, как в конечной Вселенной она ведет к тепловой смерти?

Сам факт динамичности смысла и существование трендов подсказывает, что культура разомкнута и ее развитие подпитывается откуда-то из внекультурных сфер. Понимание требует не только интерпретации, но и неизбежного за нею осмысления. А смысл – интенция субъекта в предмет. Культурный же смысл полагается человеческим «Я», он оказывается открытием произведения как опредмеченного продолжения «Я», в своих истоках выходящего за пределы культуры, способного нарушать ее правила и делегитимировать общепризнанные смыслы. Если индивидуальность – тождественность человека самому себе, то смысл идентифицирует людей как множество индивидуальностей, то есть индивидов, находящих в собственном самобытии и в видимом произведении смысл. И в этом случае смысл – редукция понимания к «Я», к практическому человеческому экзистенциальному опыту, установление соответствия между «Я» и предметом. Интенция такого практического «Я» в предмет и в его теоретические интерпретации придает им смысл. Думаю, по этой причине Х.-Г. Гадамер исходил из понимания как «мыслящей практики», В. Дильтей считал его интуицией, а Ф. Шлейермахер – искусством. Тогда и культура из сходства индивидов превращается в их комплементарность, или, по К. Леви-Строссу, в «оптимум различий».

Получается, что в основе смысловых трендов находится не самовоспроизводство формальной культуры, а многообразное и содержательное человеческое творчество, непрерывно вбрасывающее в культуру множество индивидуальных смыслов. Без них культура абсурдна, она только формальная, хоть и детализированная, система норм и правил цивилизации, когда нормы есть, а тех, кто должен их соблюдать или им противиться, не существует.

Индивидуальные смыслы взаимодействуют, их интеграция образует целостность культуры и цивилизации, а факт существования живых и мыслящих человеческих индивидов эту целостность постоянно разрушает, вбрасывая новые смыслы. Другая, помимо человеческого творчества с внекультурными истоками, причина смысловой динамичности – материальная природа, способная вынудить культуру к изменению с целью, например самосохранения, достаточно устойчива. Социально значимые, побуждающие к изменениям катастрофы, сравнимые с Всемирным потопом, довольно редки.

Можно, конечно, предполагать, что индивидуальное творчество создает не только культуру вместе с ее смыслами и бартовским Автором, но и, как их тень, столь же абстрактную от индивидов и формальную внекультурную бессмыслицу – свой собственный источник. Обыденную правомерность такого предположения подтверждают и распространенная в нынешней литературе эзотерика, и многочисленные смыслоразрушительные инсталляции и перформансы, и принципиально внесмысловая поэзия дадаистов или, например, модного сегодня Gh rasim Luca с его

pas pas paspaspas pas
pasppas ppas pas paspas
le pas pas le faux pas le pas
paspaspas le pas le mau
le mauve le mauvais pas etc.

Однако ничто не препятствует распространить на такое творчество то же самое понятие культуры и увидеть в ней борьбу двух противоположных начал – конструктивного и деструктивного, которая при конечности и ограниченности культурного пространства давно должна была прекратиться и раствориться в чём-то аналогичном древнеиндийской пралайе.

Если культура непрерывно изменяется, то причиной изменений оказывается именно многообразие человеческих индивидуальностей со своими «Я», бытийствующими не в рамках сущности-существования в версии Ж.-П. Сартра, а как данность. «Я» обладают бытием независимо от гносеологии, стремящейся раскрыть за ними сущность или этики, представляющей их самих в качестве существования, создающего собственную сущность. Такая данность просто констатирует, что «Я – есть», а с момента, когда она получает возможность обосновать и доказать правоту своей констатации, она превращается в субъект культуры. То есть, до какого-то мгновения «Я» романтически утверждает самого себя в мире, а начиная с него, оно попросту есть как субъект своей жизни, а потому и субъект культуры.

«Я» и создает смыслы, а его смыслы уже трансформируются в социокультурную осмысленность, вторичную, которая благодаря «Я» приобретает динамику и смысловые тренды. Проще сказать, в основе бартовского модернистского Автора находится множество человеческих авторов. Именно индивидуальный смысл обеспечивает практическую актуальность любой проблемы, которая с его помощью становится экзистенциальной. Он придает реальную конструктивность любым теоретическим решениям проблемы, т.е. дает ей образ желаемой перспективы, с помощью чего реализуются прагматизм, креативность, мораль и свобода. И тогда частный смысл каждого человеческого «Я» становится тем субъективным ориентиром, который в условиях современности и тем более в условиях межвременья обеспечивает выбор при отсутствии объективных ориентиров.

Можно действовать на основе формальных решений, а значит, подчиняясь требованиям Автора, а можно и на основе своего смысла. Формальные действия лишь воспроизводят Автора, а осмысленные могут не только его воспроизводить, но и создавать, и разрушать, и вообще никого не предполагать. «Я» просто действует, а будет ли это согласовываться с чьим-либо авторитетом, ему безразлично.

Философия Р. Барта довольно-таки основополагающая для нынешнего западного постмодерна, как основополагающим является для созвучного с нею советского исторического материализма тезис о том, что человек – существо социальное и только социальное, что он – продукт общественных отношений, а его индивидуальность лишь тогда не оборачивается «буржуазным индивидуализмом», когда она расписана в системе социальных ролей, кем-то утвержденных и закрепленных подписью и печатью.

6.

Бартовский Автор, будучи системой рациональных правил интерпретации, легко трансформируется в социокультурную фигуру и является в социуме заданным нормами цивилизации местом, субпространством, которое любой человек может занять и получить благодаря ему общепонятный статус: профессор, президент, предприниматель, проректор, прохиндей, провизор, протоиерей и т.д. Это субпространство, действительно, образуется в ходе социальной самоорганизации под влиянием множества экспектаций, которые индивиды адресуют друг другу, когда находятся вместе в одном ограниченном и фиксированном пространстве. Это общественно легитимное субпространство, снабженное ясными признаками и поименованное. Оно существует параллельно частной и индивидуальной человеческой жизни: Крестьянин, Горожанин, Рыцарь, Разбойник, Король, Купец, позднее – Предприниматель, Инженер, Депутат, Ученый, Писатель, Художник, Изобретатель, Революционер, еще позднее – Бизнесмен, Модель, Шоумен, Тусовщик, Проститутка, Террорист, Бандит, Менеджер. Оно предъявляет требования, с которыми

действительный человек может соглашаться, не соглашаться или вообще не соотноситься даже бессознательно.

Человек, стало быть, существует, он есть именно как индивид и индивидуальность, и он не только послушно занимает социокультурные ниши, предписанные Автором, но способен сам создавать и их, и Авторов в ходе практического межиндивидного экзистенциального полилога. Он – автор, создающий Авторов, как К. Маркс в стороне от марксизма, И. Кант – от кантианства, Г. Гегель – от гегельянства, Ф. Ницше – от ницшеанства, Э. Гуссерль – от гуссерлианства. Кто же такой Автор, как человек и предмет гуманитаристики, а не как фигура культуры?

Пароход современности плывет по морю, оставляя за собою волну. Он плывет, и считается, что всё, оставшееся на берегу – в прошлом. Но у парохода там, в прошлом жизнь все же продолжает существовать, не замечая проплывшего судна. Там – портовые склады, кабаки, отели, оставленные друзья и женщины, покинутые акционеры, когда-то купившие этот корабль и нанявшие команду. Прошедшее влияет на пароход не больше, чем ранее проложенный маршрут, загруженный уголь и полученный некогда командой опыт. Оно становится совокупностью условий и влияет, как влияют внешние границы пространства, придающего современности форму и объективные ориентиры выбора. Источник же энергии движения корабля и смысл этого движения определяется изнутри, и капитан ведет судно, считаясь с внешними условиями, но подчиняясь собственному смыслу. Ведет по заданному маршруту или отклоняясь от него из-за бури, из-за внезапного корабельного бунта, из-за подозрительного паруса на горизонте, из-за назойливых просьб тайком взятой на борт любовницы.

Современность приводится в движение собственной энергетикой, и человек, становясь автором, это не язык, не текст, не место и роли, это, прежде всего, поступок, состоящий в том, чтобы взяться за перо. А еще раньше – это убеждение человека в том, что ему есть что сказать, и понимание того, что найденные слова должны быть сказаны. А еще раньше – это человеческое существование: надо сначала быть, и только потом можно видеть, думать, понимать и писать. Автор – человек, и любой его поступок является словом в его произведении. А посему автор не умер, он просто вышел покурить.

Бартовский Автор как функция культуры, для людей представляет собою снятие с себя ответственности, перекладывание ее на внешние условия и отказ от того, чтобы брать на себя обязательства. Он ничем не отличается от представлений о человеке как продукте социального воспитания и обстоятельств. А если он не хочет быть продуктом, то это его желание «не научно».

Например, известна старая полемика: кто написал трагедии Шекспира? А в чём причина дискуссии, чем так замечательны эти трагедии? – Глубиной смысла. А когда был обнаружен этот смысл? – Через три с лишним века после Елизаветинской эпохи. Так кто написал трагедии Шекспира? Тот, кто начертал их тексты, или тот, кто первый вложил в них глубокий смысл?

Кто вообще такой, этот Шекспир? – Главный затекстовый персонаж всех трагедий, смыслосоздающий фокус, фигура культуры, созданная читателями. Не подвернись У. Шекспир, они вложили бы этот смысл в слова Р. Рэтленда, Ф. Бэкона или Марии Стюарт.

А кто текст начертал, эту вязь черных закорючек гусиным пером, кто был скриптором? – А этого парня из Стратфорда даже и не Шекспиром звали, а, может быть, William Shakespeare – слова, которые мы и не знаем, как произнести на языке Елизаветинской эпохи, как не знаем и того действительного человека, какой скрывается за этим именем. Кто он: второразрядный артист, ростовщик, марионетка в руках какого-нибудь талантливо скучающего лорда или вообще коллективный псевдоним? А У. Шекспир – русский затекстовый персонаж, воспроизводящийся только в современности и только до тех пор, пока современность находит все новые и новые смыслы текстов William-a Shakespeare, меняющиеся с изменением ее ситуаций.

Ясно, что William Shakespeare вкладывал в текст свой собственный смысл, но какой? – Не знаем, и к счастью. Если б узнали, может быть, и обиделись бы за Шекспира. Возможно, этот смысл – коммерческий, может быть, полный местных и мелких политических интриг, может быть, пародия и сатира на современную ему жизнь, смысл ли это для нас? – Не знаю, не уверен, это предмет научных исследований, а не частного понимания и осмысления. Да и в чем для современности смысл раскрывать анонимность того, кто написал великие трагедии, только в том, чтобы создать нового Автора? В том, чтобы сказать, что у William-a Shakespeare было имя Рэтленд или Бэкон? – Да хоть бы и m-r Twister. «Розе имя – роза, хоть розой назови ее, хоть нет».

7.

Различие Автора и авторов позволяет различать буржуазный строй и капитализм,

буржуазия значительно древнее и сущностней, чем капитал. Это сословие людей, считающих себя свободными и самостоятельными субъектами собственной жизни, сегодня в западных странах его назвали бы «средним классом». Именно они – основа демократии уже потому, что общество самостоятельных людей существует как нечто целое только путем диалога и выработки совместных решений. Капитализм же появляется тогда, когда диалог, неизбежный для сосуществования множества отличающихся друг от друга индивидов превращается в войну каждого с каждым Т. Гоббса и распространяет именно этот враждебный тип конкуренции на все сферы общественной жизни. Именно взаимное враждебное отчуждение индивидов обусловливает появление отчужденного от общества государства, делает государство инструментом классового насилия и становится основой для появления государственно-монополистического капитализма. А буржуазия – питательная почва, способная произрастить и капитализм, и социализм, и нередко выращивает их одновременно, уравновешивая хозяйственную конкуренцию солидарностью во всех остальных сферах общественной жизни. Некогда А. Смит предчувствовал различие буржуазии и капитализма, когда указывал, что экономическую конкуренцию нельзя допускать в другие сферы общественной жизни.

Капитализм, став государственной политикой, превращается в Самодержавие. Причем не в Самодержавие в виде патриархального принципа, где воля самодержца корректируется обществом, а он сам всего лишь первый среди равных. Капитализм рождает Самодержавие бартовского Автора. Такой Самодержец, каким бы он ни был по человеческим качествам – умным, глупым, образованным, неучем, сильным, слабым, трудолюбивым или ленивым – уже не патриархален. Он обладает государством как инструментом тотального силового принуждения и превращения своей воли в форму всего общества, в его политику, экономику, мораль и т.д. Конечно, короля делает свита, за Самодержцем скрываются аппараты, сословия и классы, но в зависимости от характера именно он оперирует рычагами аппаратных, сословных и классовых интересов. Свита может только советовать, превозносить и угрожать, сильный – справится и заставит ее плясать под свою музыку, как Петр I, слабый – падет вместе тем порядком, какой он пытался неумело поддержать. Но пока здравствует государственно-монополистический капитализм, его главным субъектом будет Самодержец, как бы он официально ни назывался.

Не собираюсь представлять патриархальное Самодержавие в виде золотого века, оно архаично. Но в нашей стране его трансформация в капиталистическое, вероятно, началась с династией Романовых, и оно прошло несколько стадий: по сути, единоличное царское самодержавие, коллективное советское самодержавие аппарата ЦК КПСС и анонимное постсоветское самодержавие части олигархов и коррумпированных высших госслужащих.

8.

То, что понимается под словом Автор, является фигурой культуры, нарративом, рассказывающим о культурной нише, которую человек может занять или не занимать. Фигуры – это места, возникшие в культурном пространстве в силу его самоорганизации, они описываются системой экспектаций и выступают своеобразными экологическими нишами, создаваемыми общественной жизнью.

Фигуры культуры динамичны, они функционируют и меняются вслед за изменением всего культурного контекста, конкурируют друг с другом. А люди просто живут, тоже нередко дискутируют и сражаются, но им, в отличие от фигур, предоставлен выбор: они могут жить, подчиняясь требованиям занятых ими мест, становясь персонажами того нарратива, какой непрерывно производится их местами. Но они могут действовать и по своим собственным причинам, к местам отношения не имеющим. Фигуры же детерминированы людьми.

Авторство как фигура культуры запечатлено в социальной стороне человеческого сознания. Но в индивидуальной, в той, где человек идентифицирует себя с самим собой, со своим «Я», а не с исполняемой им функцией, где он знает, что «Я» – это, в первую очередь, «Я», и только во вторую – писатель, предприниматель, профессор, проректор или провизор, там нет Автора. Там – «Я» как субъект свободного творчества, из которого Авторы могут появляться, а могут и не появляться.

Живой частный человек всегда в той или иной степени девиантен по отношению к занятому им месту, это он придает культуре жизненную силу, а не наоборот. Каждая его девиация, выраженная в слове или в действии выдает его субъективность и становится поступком. Поступок всегда индивидуален, а не социален, он субъективен, осознан, девиантен и необратим, и является продуктом личного выбора. В зависимости от того, в какой степени поступком нарушается мера соот-

ношения индивидуального и социального, он может быть креативным для доминирующего типа культуры или разрушительным.

Человеческий поступок, если он созвучен другим людям и вызывает отклик в их сознаниях, способен создавать Автора как продукт коллективного осмысления. Автор может быть и большим, подобным Шекспиру, и малым, но пока он жив и социально легитимен, он не утрачивает связи со своим создателем.

* * *

В таком случае, возвращаясь к проблеме этого очерка, мы обнаруживаем:

во-первых, легитимное место человека, экологическую нишу, образующуюся в ходе непрерывной самоорганизации общественной жизни. Им задается социокультурный горизонт индивидуального творчества;

во-вторых, осознанный, индивидуально-субъективный, необратимый и девиантный в отношении к этой нише поступок. Он выражается в том, что в нишу, имеющую более-менее устойчивые и институализированные очертания, практически вбрасываются новые интерпретации, изменяющие место.

И тогда предметность гуманитарного познания может конструироваться, опираясь на две точки: Место и Поступок. А само гуманитарное познание становится рациональной трактовкой культуры как пространства ниш и поступков в их отношении друг к другу.

1. Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 384–391.

2. Бор Н. Квантовый постулат и новейшее развитие атомной теории // Н. Бор. Избранные научные труды в двух томах. Т. 2. // М.: Наука, 1971. С. 30–53.

3. Ларин Ю.В. Проблема будущего в проекции природы человека // Социум и власть. 2012. № 2. С. 119–123.

UDC 101.1

AN AUTHOR AND A HUMAN: INDIVIDUALITY AS A SUBJECT OF HUMANITARIAN RESEARCH

Pavlov Aleksandr Valentinovich,
Tyumen State University,
Professor of the Chair of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Professor,
Tyumen, Russia.
E-mail: av-pavlov@mail.ru

Annotation
The article deals with the matterness of humanitarian cognition. Scientific research in humanitarian sphere is considered to be a rational interpretation of culture as space of niches and actions as related to each other.

Key concepts:
subject matter,
humanitaristics,
author,
figure of culture,
place,
socio-cultural niche,
human individual,
act.

1. Bart R. Smert' avtora // Izbrannye raboty: Semiotika: Pojetika. M.: Progress, 1989. S. 384–391 (Russian).

2. Bor N. Kvantovyj postulat i novejshee razvitie atomnoj teorii // N. Bor. Izbrannye nauchnye trudy v dvuh tomah. T. 2. // M.: Nauka, 1971. S. 30–53 (Russian).

3. Larin Ju.V. Problema budushhego v proekcii prirody cheloveka // Socium i vlast'. 2012. № 2. S. 119–123 (Russian).